

Шмуэль Йосеф Агнон. Из «Книги деяний»

ПОСЛЕДНИЙ АВТОБУС

Я разжег примус и поставил чугунок вскипятить воды для стирки. Увидела меня соседка и сказала: вот вы зажгли примус, а керосина-то в нем нет. Я удивился: отчего она говорит, что нет керосина, ведь примус тяжелый. Снял крышку и заслонку и увидел, что и впрямь, верно она сказала – керосин был там лишь на доньшке и блестел, как чешуя карпа в садке по вечерам в месяце тишрее, когда обновляется луна¹.

Оставил я примус и направился к господину Шриту. Это тот самый Шрит, которого так любил мой отец, мир его праху, а когда отец умер, господин Шрит сделался опекуном его осиротевших детей. Много раз я собирался навестить его, да все что-то мешало.

Господин Шрит жил в большом каменном доме, подобного которому не было во всем городе. Люди говорили, это такой огромный дом – конь и всадник свободно могут взойти там по лестнице.

В тот час господин Шрит уже лежал в постели, ибо имел обыкновение укладываться с наступлением темноты.

Когда я вошел, он протянул мне руку, приветливо поздоровался со мной и сказал: хорошо ты сделал, что пришел. Он смотрел на меня так, словно долгие дни ждал моего прихода и теперь собирался мне что-то сказать. Но начав разговор, не сказал ничего, что было бы для меня ново. Говорил о знатных людях нашего города, что, мол, не слишком утруждают себя общественными заботами, зато все мыслимые добродетели приписывают исключительно себе. Особенно досталось его зажиточному домовладельцу Ицхаку Монтагу, мол, слоняется он целыми днями без всякого дела, неизменная сигарета в уголке рта, вмешивается в чужие дела и только всем мешает. Шрит говорит, а я сижу и молчу, и не могу вымолвить ни словечка. Надо бы вступить за Ицхака Монтага, ведь он сделался мне почти приятель, и мы вместе ходим на прогулки, хоть он богат, и знаменит, и древен годами. А возможно я правильно сделал, что промолчал, ибо горько было на сердце у господина Шрита, а тут он выговорился и облегчил себе душу.

Дом был полон кроватей, столов, стульев, шкафов и прочих изделий столярного искусства, и запах скипидара стоял во всех его комнатах, поскольку господин Шрит торговал мебелью и всё, что не вмещалось в его магазин, находило приют в его доме. И еще стоял там ларь для белья, такой точно ларь, как в отчем доме. Мыши прогрызли у ларя крышку, и господин Шрит уступил его тогда отцу задешево. И не было между ним и тем ларем, что у отца, никакой разницы, только этот попорчен справа, а тот – слева. А возможно, оба они были попорчены одинаково, да я не сумел верно определить, с какой стороны.

---

¹ В месяце тишрее, когда обновляется луна, евреи отмечают десять Дней Трепета между новолетием и Судным днем. В этот период следует дать себе отчет в своих поступках и попросить прощения у тех, кого обидел.

Домашняя утварь наполняла комнаты своим запахом, а господин Шрит все говорил и говорил. То возвысит голос, то понизит. Из его слов можно было понять, что он уже давно размышляет об этом, оттого и речь его текла гладко.

Спустя час я собрался уходить. Пора и честь знать, дать господину Шриту отдохнуть, ведь господин Шрит тщательно печется о своем сне и не поступает им даже ради важного дела. Хорошо водить знакомство с людьми, которые рано укладываются спать, потому что так и сам ты не лишаешь себя ночного отдыха.

Собираясь прощаться, я рассказал господину Шриту о том, что произошло у меня с примусом. Явилась старшая дочь господина Шрита от первой жены, смешливая, полнотелая девушка возраста своей мачехи, стала на пороге и улыбнулась. Она улыбнулась – и в ее лукавых глазах вспыхнули два снолика зеленоватого света, вспыхнули и смутили меня. Всякий раз, как та девушка смотрит на меня, охватывает меня смущение. Когда я был маленьким, она хлопала передо мною в ладоши, подобно тому как я хлопал в ладоши перед ее новорожденным братцем, и теперь я опасался, как бы она вновь не сделала так же.

Тут вошла жена господина Шрита. Господин Шрит наморщил лоб и рассказал ей о моей задаче. Вышла госпожа Шрит и вернулась с тазиком для стирки. Взял я тазик, поблагодарил, распрощался и ушел.

Спускаясь с лестницы, я удивился, что не сбился с пути. Ведь дом этот чрезвычайно велик, а мне никто дорогу не показывал. Я вполне мог сбиться и спуститься глубоко вниз, в темный подвал, который тянется бесконечно и выводит к черному мосту над Стрипой². Но я не совершил ошибки и оказался именно на той лестнице, что ведет на улицу. Возможно, по причине знакомства с хозяином этого дома, я не плутаю в нем, хотя прежде бывать здесь мне не доводилось.

Ночь выдалась славная и воздух был приятен, не холодно и не жарко. Оттого ли, что мой дом далек и не предназначен для улады, но я решил: пройду пешком и порадую себя прогулкой.

Я начал обходить дом господина Шрита и считать в нем окна. Затем пошел в обратную сторону и дошел до черного моста. Так я прогуливался туда-сюда, пока не почувствовал усталость и не решил вернуться домой. Мой дом находится в северной части города, и с центром его соединяет автобусный маршрут. С полседьмого утра и до половины двенадцатого вечера ездит этот автобус туда и обратно, туда и обратно. Иногда раз в час, иногда раз в полчаса, в зависимости от проворства водителя и количества пассажиров. Когда я добрался до автобусной остановки, настала полночь, время, когда движение автобуса прекращается, поскольку все автобусы ночью отдыхают. Но несмотря на это я не бежал и не спешил: группа девушек стояла там, и я понял, что должен прийти еще один автобус, потому что в городе давали в тот вечер новую пьесу и многие горожане задержались в театре. В дни, когда в театре идут спектакли, подают дополнительный автобус, чтобы жители отдаленных районов могли

---

² Стрипа – река в Бучаче, городе, где родился Агнон.

добраться домой. Девушки, стоявшие там в ожидании автобуса, были моими соседками. Хотя я ни разу не разговаривал с ними и они никогда не перемолвились со мной ни словечком, я узнал их, а они узнали меня. Тому, кто часто ездит в автобусе, пусть даже он не вступает в беседу с пассажирами, но оттого, что видит их каждый день, кажется, будто они ему приятели. Были среди этих девушек такие, которым я несколько раз уступал место. В особенности той стройной блондинке, у которой волосы спускаются на плечи – до середины они заплетены в косы, а внизу падают свободно. Она носит брюки, этакая милая юная труженица, и ведь знает, что брюки ее красят. Поскольку автобус не приходил, а времени у меня было вдоволь, я заговорил со своим дедом и рассказал ему, что побывал в большом доме. Но о том, что навещал господина Шрита, я умолчал, оттого что дед его недолюбливает, так как господин Шрит ворчлив и вечно бранит знатных людей нашего города. За рассказом я добрался и до Ицхака Монтага, которому известны все надгробия нашего старого кладбища, более того, он умеет разобрать надпись на любом из них и пропеть ее на ту мелодию, которая была принята во времена лежащего под этим камнем покойника.

В тот миг послышался шум автобуса, и я увидел, как он приближается к остановке. Не успел я подойти, как все девушки вошли в автобус и уехали.

Я возвысил голос и закричал водителю, чтоб подождет. Тут стиральный тазик выпал у меня из рук. Я нагнулся его поднять, а водитель крутанул руль и был таков. Расстроенный, стоял я на остановке и глядел ему в след.

Велика была моя мука. Ведь я должен вернуться домой, я устал, а последний автобус уехал без меня. Я полагал, что девушки сделают доброе дело и задержат его для меня. Но они не задержали его, каждая сидела на своем месте и меня даже не заметила. Сейчас все они возвращаются домой и скоро лягут в свои постели, тогда как я стою на улице и не знаю, как и вернусь. А ведь если бы они хоть намекнули водителю, он подождет бы меня. Я не льщу себя тем, что мысли девиц заняты мною, но удивительно, что в такой час они обо мне не вспомнили.

Что делать? Найму машину, а пешком не пойду, потому что на дорогах опасно, путь лежит неблизкий, и я устал. Дед взял меня под руку и направился в автобусную контору, где спросил начальника, будет ли еще транспорт в северный район.

Начальник потер руки и коварно так улыбнулся – деду, оттого что не знает порядка в этом мире, а мне – оттого что я опоздал на последний автобус. Огорчился я, что он выказал неуважение моему деду, который потревожил свой покой и пришел сюда из другого мира, а когда покидал этот мир, в нем еще не было автобусов. И еще я огорчился, оттого что все это случилось по моей вине.

Я был в полном отчаянии. Кивнул начальник головой, указав на стену, и сказал: есть выход. Есть тут один старый автобус, и он, начальник, даже сам готов меня отвезти, только вот не знает, когда я доберусь до места. Ухватился мой дед за ножку стола и стал поторапливать начальника, чтоб скорее отправлялся. Ох уж эта дедова наивность: старик решил, будто это и

есть автобус, о котором говорил тот человек. Я знал, что не стоит ехать на старом автобусе, и хотел взять такси. Отяжелел мой язык, и я не смог вымолвить ни слова.

Начальник глянул на меня и сказал: поездка обойдется вам в три груша. Три груша – ничто по сравнению с двенадцатью, которые я был готов уплатить за такси, но кто знает, доберусь ли я в старом автобусе раньше утра. Я лишился дара речи, а потому просто кивнул ему и пошел к старому автобусу. Мой дед поспешил первым и поскользнулся, но поскольку был мертв, его падение меня не беспокоило, ведь мертвые не чувствуют физической боли.

Я спешил и потому не стал дожидаться деда. Я намеревался сам сесть в автобус. Усмехнулся начальник и сказал: не спешите, дождитесь сначала водителя. По его улыбке было видно, что водитель придет не скоро, но я все же решил его ждать. Тем временем начальник запер свою контору и ушел. Что делать? Водитель не идет, и такси не найти, потому что контора закрыта. Пришлось мне идти пешком.

Ночь выдалась славная, воздух был приятен, не холодно и не жарко. Кто не тревожится за свой сон, ничего не потеряет, если пройдет такой вот ночью.

Я приподнял шляпу и вытер лоб. Тихое спокойствие разлилось на дорогах, то особое спокойствие, которое наступает после полуночи, когда люди спят, а земля и небо тихо переговариваются друг с другом. Позабылись мне все мои прежние страхи, и я отправился в путь.

Поблизости от своего квартала я увидел пятерых мужчин, идущих в ряд. Люди на вид благообразные, роста ниже среднего, сложения соразмерного, не толстые и не худые. Одеты, как почтенные иерусалимцы зимой. Четверо из пяти были мне знакомы, только имен их я не знал, а пятый был мне знаком и известен по имени. Я неоднократно задевал и обижал его, хоть он не сделал мне ничего плохого. Сбоку от него шел молодой человек, один глаз которого, не помню, уж какой, был меньше другого, и оттого казалось, что он щурится в улыбке и смотрит на тебя по-дружески. Я знал, что эти пятеро не имеют дурных намерений, и даже тот, с кем я прежде обошелся несправедливо, не желает мне зла, однако преисполнился печалью, как человек, который одиноко бредет по дороге и не знает, что ждет его впереди.³

Тут появился еще кто-то, смуглый и плотный, небольшая округлая борода его была сильно тронута сединой. Он шел мне навстречу – руки в карманах, лицо радостное, он вообще походил на человека, который идет получать денежное вспомоществование и убежден, что получит. Этот был мне незнаком, но я знал, что если обращусь к нему, он пойдет со мною. Я подбежал и сказал: шалом! Ох, как нуждался я в тот момент в поддержке, в защите от тех, кто меня не любит, и среди которых мой явный недруг! Но тот, кто мог меня поддержать, был поглощен своими делами. Он тоже поздоровался со мной и пошел себе дальше, все с той же неясной улыбкой.

---

³ Сказано в Мишне (Авот, 3:4): «Раби Ханания, сын Хахиная, говорил: Кто ночью не спит, а одиноко бродит по дороге и допускает в сердце суету, тот рискует жизнью».

А я пошелся за ними, за своим врагом и его товарищами, не испытывавшими ко мне ни малейшей приязни.

Перевела с иврита Зоя Копельман